

Рахымжан Отарбаев

БЕЛЫЕ НЕБЕСНЫЕ БАБОЧКИ

Не тревожьте муравья, он же тоже жаждет жить.
Фирдоуси

Снова гоняясь за белыми бабочками, обессилев, иссушив зев, он проснулся.

* * *

Долго идет по правой стороне прямой улицы, пропадая-появляясь, возникая-исчезая среди трущихся друг о друга спешащих прохожих. Идет по направлению к базару. Каждый день так. И каждую ночь – жажда не дает покоя.

Утренняя заря, разыгравшись, будто полуденная жара, жжет висок. Повернув белую кепку набекрень, прикрыв ею зачесавшийся висок, он смотрит, широко раскрыв глаза, на огромное небо. В голубом пространстве, словно неостриженный верблюжонок-сирота со свисающими ключьями шерсти, бесцельно пасется одинокое облако.

Ленивые воробы, освежившие клювы утренней августовской росой, то взлетая, то приземляясь, беспокойно суетятся возле людей. Наверное, и эти несчастные ищут свою судьбу на базаре.

– Ой, дауренай!* – раздается неподалеку, и он поворачивается на голос, но никого обратившегося к нему по имени не замечает.

Мимо проходит бабуля, осторожно ступая на правую ногу, видимо, измученную ревматизмом. Похоже, дает советы-пожелания сопровождающей ее молодой девушке:

– И я была такой, как ты.

Попутчица ее, будь она неладна, гримасничает и окидывает всё вокруг игривым взглядом. Оглядывает, будто обыскивает. Между блузкой и поясом юбки выглядывает пупок, он, словно третий глаз, прицельно бьет в идущих навстречу людей. Даже до противоположной стороны улицы достает.

Пристально-пристально осматривает прохожих.

– Да, и ты станешь такой, как я...

Только тогда, когда пропадают из виду старуха с девушкой, собирается с мыслями. Разве он один тонет в своих печальных мыслях, неся на себе бремя скорби в бесконечность?.. Вон, все такие же...

* Эх, время, время!

* * *

Даурен торговал брюками на огромном базаре большого города. На огромном базаре, но на маленьком пяточке, куда еле-еле влез бы таз худенькой торговки помидорами. Раскладывал стопками, вызывая рябь в глазах, белые, синие, черные штаны...

– Жаке, вам здорово идет... Тетя, они на вас как влитые, – приговаривал, расхваливая свой товар.

Покупатели, да не убудут они, такие разные! Юркие, как юла, юноши, серпом согнувшиеся старцы, упирающиеся ввысь исполины, кривоногие коротышки, суетливые скороходы, талию с бедрами сравнивавшие толстяки... Щедрые, не считающиеся с ценами, и скупые, слезно просящие скидку... Только и скажешь – ну и ну! Однако звонких монет, накопленных за день в кармане, всё же хватало кудрявому, смазливому парню и на аренду квартиры, и на приличное пропитание, иногда на застолья, и на поддержание одинокой матери, проживающей в ауле Жарбай.

Как радовалась мать, решившая во что бы то ни стало сохранить домашний очаг своего покойного супруга, его ежемесячным посещениям – куда больше, чем дарам, которые он привозил. Бедная, провожая его в обратный путь до самой проселочной дороги, в колыхающемся широком платье, в подоле которого кружились золотые солнечные лучи, как будто она и несла их, зачерпнув тем самым подолом, всё приговаривала: «Жеребеночек мой!» Расставаясь, оставляла ему – тоже как будто извлекая из своего материнского подола – душевное спокойствие и даже благодать.

Вернувшись в город, он тут же вливался в чрезмерно стремительный, суетливый, рваный ритм своей городской жизни. Тут торговали даже душами, и он по своей воле никогда не вступил бы в эту трясиину... Но здесь была Алима. Та самая девушка, продающая воду у входа на базар, между бровями которой ровно посередине прячется родинка величиною с просыное зернышко. Да-да, она! Всякий раз, продав брюки, пил ее воду по несколько стаканов кряду.

– Прибыл из солончаков Доссора или из песков Жассора? – как-то спросила, застенчиво улыбаясь.

– Нет, прямо из чужих штанов...

Раздался звонкий смех. Не просто смех, а звон разбитой стеклянной посуды, наполнивший собою воздух. С тех пор стал искать не воду, а этот звон, радующий его слух. Звон! Вот и сейчас, невидимый глазу, он разбрызгался в воздухе.

Она была сиротой, выросла на руках у брата и его жены. Из-под ее по-детски невинного облика, сквозь ее пугливую натуру всё время робко выглядывала какая-то надежда. Наверное, именно эта надежда и сберегла ее исцеляющий смех.

Договорились справить свадьбу осенью. Перевезти мать из Жарбая, жить вместе. Только вот жаль...

* * *

– Сровняв с землей древнее кладбище, построили на нем Дворец бракосочетания. О Аллах, да прервутся их дни, – услышав это, он опять оборачивается на знакомый голос.

Оказалось, та самая старушка, осторожно ступающая на правую ногу, пораженную ревматизмом, но уже вспотевшая. Идет, непрерывно двигая худыми лопатками.

– Сегодня свадеб ужасно много, – растягивая, словно жвачку, слово «у-жасно» и получая от этого явное удовольствие, говорит девушка, демонстрирующая всем свой одноглазый пупок.

– Э, скот отучнел, овощи-фрукты поспели. Как же не быть людскому достатку, – роняет старуха.

А шедшая с нею девушка почему-то притихла, приуныла.

– Увы, нет лада у нынешней молодежи, – продолжает старуха свой речитатив

– Уговор, данный ночью, утром уже забывается... Где же он, этот чертов базар, пропади он. Вроде бы на расстоянии броска камнем, да никак не дойти.

Еще бы: если заглядывать в любой попавшийся по пути магазин, мелькая то спереди, то сзади, никому не давая прохода...

* * *

Только вот жаль...

В разгар торговли штанами вдруг звонко выкликнули его.

– Вызывает хозяин базара! Живо, иди!

Удивленно замер. К чему бы это? Краснолицего, с зелеными глазами хозяина видел только раз. Базарные женщины, пуская слюну, никак не могли достать дна в своих пересудах о его баснословных богатствах.

– Что и говорить, в день по два раза меняет костюмы!

– Глупая, что ты всё о тряпках – да он каждую неделю садится за руль новой машины! Купил своей жене виллу в Париже. А та, говорят, уже купается только в «Шанели».

– У него единственная дочь. Не сходит с джипа. Сидит себе и сидит. Вроде замуж хочет, – нашла хоть чем-то уколоть.

– Ой-бай, да она выбирает себе мужа сидя. Бестолковая, разве она крутится, как ты или я?

– Тоже мне. Посмотрела бы ты на нее, когда она, выйдя замуж за негра и разругавшись с вождем племени, была выставлена из африканской заграницы. Как же после этого не сидеть. Будет сидеть!

Жужжали, как пчелиный улей.

Что за нужда, какие услуги от него хочет получить хозяин базара, сыром катающийся в масле? Не на шутку встревожился парень. Приезжих много, как бы не потерять свой пяточок. И мать в каждый его приезд причитает: «Жеребенок мой, не верь слишком высокому возвышению». Будто ее сын, торговец брюками, сидит на каком-то почетном месте, которого все домогаются.

Когда с предательской дрожью в коленках вошел в просторный кабинет, краснолицый и зеленоглазый, улыбаясь, встал со своего места.

– Входи, родной, входи. Давно обратил на тебя внимание, хотел приблизить к себе.

Паренек растерянно моргал. А хозяин, как портной, пробежался взглядом по его худым плечам, по всему телу.

– Ассаламалейкум! – приветствовал хозяина, еще больше теряясь в догадках.

– Уалейкум. Садись. Успокойся. К черту штаны. Избавься! С сегодняшнего числа будешь моим помощником. Вдвоем с дочерью.

– Но еще много непроданного товара...

Хозяин громко рассмеялся.

– Э, родной, никто без штанов не останется, не бойся, продадут другие.
Даурен долго не мог опомниться.

* * *

...Пропадая-появляясь, возникая-исчезая, идет долго. По направлению к базару. И каждый день так. Неутолимая жажда не дает покоя. Прислушивается к бестолковым разговорам уличных казахов. Маленький старичок своим гнусавым, свистящим голосом, обходя шипящие, сердится на своего прыщавого длинноногого сына.

– Продав в прошлом году красного кастрированного вола, устроил тебя на усебу. Усителя залуются, говорят, до сего дня не знаес букв. Вот это да! Мать твоя убездена, сто светик ее будет судьей. Мы в насе время книги проглатывали. Замарал мое, Зылкыбая, имя, селудивая собака!

– Туфф, пап, прекрати.

* * *

Оба помощника-советника хозяина базара оказались примерно одинакового возраста. Сыргалы, дочь, как говорили базарные женщины, да останутся они непутевыми, – та самая, «разругавшаяся с вождем племени», розоволицая, балованная. Поведения вольного. Глаза не такие зеленые, как у отца, а цвета неба. Когда останавливается, попавшись навстречу, ее колыхающиеся парные гранаты упираются ему прямо в горло. Не захочешь, а проглотишь.

В день его «назначения» Алима сострила с улыбкой:

– Хорошо, если советник станет пить нашу воду.

– Что бы ни было, всегда буду падать у твоего водополя! – выпалив это, он, как обычно, залпом осушил граненый стакан. – Да, кстати, давай завтра пойдем в театр. Слышал, идет интересный спектакль.

– Пойдем. А в «Мерседес» свой меня посадишь? – спросила осторожно, шепотом.

– Конечно.

Раздался звон. Крошево разбитой посуды, разбрызгавшись, наполнило воздух.

Зашел после в кабинет хозяина. Тот сидел молча, понутив голову. Дочь, раскрасневшись, стояла рядом с ним, как вбитый кол. И вид ее был грозен, словно у остриженного холощенного козла. Глаза цвета неба метали небесные молнии.

– Что-о?! – с ходу набросилась она на Даурена. – Да ты что! Ты же большой начальник. Второй после папы. А стоя у ворот, пьешь желтую, как моча коровы, воду. Какой торговец после этого будет уважать тебя? А?!

Вобрав голову в плечи, стал виновато оседать.

– Холодильник твой переполнен, вот-вот уже лопнет. Что-о?

– Ладно, ладно, – приподняв понурую голову, попытался успокоить ее отец.

– Хватит уже. Даурен, дорогой, общаться с людьми надо. Но не подпускай этих казахов слишком близко к себе. Ухватят за штанину – конец. Считай, тут же вспрыгнут на голову. Да пропадут они... Будьте с дочерью друг дружке опорой, поддержкой. А я со стороны буду любоваться и гордиться вами.

– Извините... Случайно...

– Что-о?!!

– Сыргалы, хватит уже! Послушай, Даурен, у меня вот какие планы. Не будем вариться в собственном соку, довольствоваться тем, что имеем базар. В соседних

областях, в Алматы, в Астане много новых современных торговых центров. Надо изучить их достижения, если есть опыт, мы должны его использовать. Дикий рынок сегодня есть, а завтра его не будет. Наш долг – безусловно обслуживать народ. Это дело хочу поручить вам двоим.

– Хорошо, дядя, – выказал он покорность.

– Ну и отлично! Тогда сегодня же вылетайте. Вот билеты.

– А на какой срок? – к дочери снова вернулся розовый лик и цвет прояснившегося неба в глазах. – Погуляем не спеша, с месяц...

* * *

...Пропадая-появляясь, возникая-исчезая, идет он долго. По направлению к базару. И ежедневно так. Жажда, неутолимая жажда не дает покоя...

Гнусавый тщедушный старичок продолжает и продолжает втолковывать своему прыщавому длинноногому сыну:

– В твои дзигитские годы я не сходил с коня. Несчастливая моя молодость, позертванная вам. Сказал же, не мозесь уситься, зенись. Хотел посвататься к досери соседа Кудайбергена. Заупрямился, зирная, мол. Сто в этом плохого? Не знаешь своей выгоды, пес. Зимой – тепло, летом – тень...

– Туф, пап, прекрати, – всё так же защищается сын.

– Ой, беда! Миловидная была она...

* * *

...Останавливаясь в каждом городе, просыпались в одной постели. В первые дни, когда боязливо отстранялся от нее, слышал уже привычный возглас:

– Что-о?! Вся эта манна небесная, наверное, не упала с небес. Благодаря мне. До смерти люблю тебя. Что-о?

– Ладно, хорошо. Я тоже, – мямлил он, и грива его обвисала.

– Если ладно, то избавься от торговки водой. Сразу по приезде!

– М...

– Что-о-о??!

– Да сказал же уже.

После этого... На кого он похож? Обхваченный мягкими коленями, уткнувшийся между ними, стал ли он тем, кто укрощает строптивую лошадь? Или тем, кто на кузне, без усталости поднимая и опуская кузнечные меха, раздувает добела раскаленные угли? Или он тот, кто расчетливо путешествует не по базару, а по самой сладкой неге? Нет, что-то не давало одинокому выходцу из Жарбая натянуть мужские удила.

Едва вернулся из поездки, мигом помчался к Алимe. Еле дождался, пока рассеется беспорядочная очередь к ней.

– Живой? – улыбнулась ему навстречу.

Улыбнулась, но стеклянная посуда не разбилась. Окружила себя невидимой глазу грустью. Родинка между бровями, напоминавшая просяное зернышко, как будто размножилась. По лицу пошли еле заметные муравьиные следы.

– Приезжала из Жарбая твоя матушка. Искала тебя. Ноют, сказала, руки и ноги. Сетовала: «Разве удержишь в руках сына, ставшего начальником?» Разве удержишь? – повторила то ли матушкины слова, то ли уже свои.

– Г-хм... Когда ее перевезем? – пробормотал после паузы.

- И в театр не сходили, Даурен.
- Интересные спектакли уже прошли...

* * *

...Пропадая-появляясь, возникая-исчезая, идет долго. По направлению к базару. И ежедневно так. Жажда, нестерпимая жажда не дает покоя.

– Сгинь! – отмахивается от гнусавого старичка старушка: они на пару так и преследуют его изо дня в день. – Смотри-ка, говорит, решил в городе найти вторую жену. Да не то что другие, даже я, хромая, не дам тебе себя догнать!

– Не сути так! Заставлю сипать траву. До сих пор пью кумыс, сам хозу, ем конину. Э-э... Давай свой адрес.

– Отстань, грешник! Перед детьми стыдно.

А длинноногий прыщавый юноша и, будь она неладна, девушка с одноглазым пупком, тоже ежедневно преследующие его, впившись и пожирая друг друга глазами, зубоскалят и лижут мороженое...

* * *

...В тот день они вместе с сияющей Сыргалы посетили Дворец бракосочетания, подали заявление о браке.

– Скорее бы прошел этот месяц, устроилась свадьба, чтобы поехать за границу, – размечталась Сыргалы.

– В Африку, что ли?

Астахфыраллах!* Надо же в здравом уме такое сказать. Будущая супруга, как будто ее окунули в закат, покраснела.

– Нет, в Жарбай. Слышала, расстояние между ними небольшое.

Оба неожиданно рассмеялись, опережая друг друга и избавляясь от напряжения.

После обеда, не найдя успокоения в душе, впопыхах прибежав на работу, услышал:

– Алиму забрала «Скорая помощь»!

– Выпила воды и упала, говорят.

– Какая вода – яд! Вынудили выпить, ой-бай, вынудили!

– Носила в себе семимесячного ребенка! – голосили женщины, сотрясая поднебесную и без того перевернувшегося мира.

Перед глазами пошли круги. Тут же повернул обратно. Возле входа в больницу чуть не столкнулся с Сыргалы. Что она здесь делает?

– Что-о?! – воскликнула, резко остановившись.

Утренний румянец побагровел, глаза цвета неба вновь побелели.

– Пропусти!

– Что-о-о?!

Пробился к операционному столу. Пожилой хирург, весь покрытый белым, смотрел на него посеревшими глазами.

Две медсестры рядом с ним, словно вьявь увидав Азраила**, заверещали:

– Остановитесь!

– Будьте терпеливы.

* Дословно «О Аллах, прости».

** В исламской мифологии Газраил – ангел смерти.

– Мы сделали всё, на что были способны.

– Примите соболезнования...

Вдруг... только что накрытое белым саваном тело поднялось светлым сиянием. Самая настоящая его Алима! Воспарив, словно видение над водой, остановилась рядом с ним, перепуганным до смерти. Недолго посмотрев на него с тоской и укором, стала улетучиваться – тоже как пар. Вокруг нее и вместе с ней улетали, порхая, бабочки, похожие на цветы весенней яблони.

* * *

...Пропадая-появляясь, возникая-исчезая, идет долго. По направлению к базару. И ежедневно так. Совсем измучила неутолимая жажда.

Люди пренебрегают им, как тенью. Совсем обнаглели они, толкаясь и перережая дорогу! Нет старушки, ноги которой одолел ревматизм, и старика-коротышки след тоже наконец простыл. Длинноногий и прыщавый юноша крепко-накрепко обнимает девушку, да превратись она в кувшин, за обнаженную талию, как будто кто-то намеревается отнять ее. Да, он-то отстоял свое. Не поддался.

– Хочешь, съем тебя? – спрашивает малый у ветреной подружки, поглаживая ее одноглазый пупок и намереваясь углубиться дальше.

– И будешь сыт? – игриво шепчет она, стреляя глазками по сторонам.

– Проголодаюсь – так снова буду есть.

Жаль кастрированного красного быка, зарезанного в «прослом» году во благо этого голодного пса! До сих пор толком не различая букв, тем не менее оставил отца своего на обочине дороги...

* * *

Светлое видение, в момент бракосочетания никем другим, кроме Даурена, не замеченное, паря, остановилось между ним и Сыргалы. На этот раз смотрело без тоски и укора. В печальном облике вместо угасшей прежней робкой надежды плескались тревога и беспокойство.

– Не-ет, – умоляло, прикусив губу и покачивая головой. – Не-ет!

Стайка белых бабочек, похожих на цветы весенней яблони, порхает и порхает между Дауреном и светлым видением, пришедшим из другого мира. В глазах зарябило, как будто и они покрылись яблоневыми цветами. А музыка гремела и гремела. И Бекболат всю голосил, исполняя песню «Мой народ».

Упал без сознания...

С тех пор, гоняясь во снах за белыми бабочками, просыпается, обессилив и иссушив зев. Врачи говорят: диабет. На нервной почве.

* * *

– Незаконнорожденный ребенок в поисках своего отца не находит себе места в обоих мирах, – услышал наставительный голос у входа на рынок.

Пристально оглянулся вокруг. В сплошном потоке мешочников никому нет дела ни до голоса, ни до него: плывут, как бараны в воде. Э, надо же, вспомнил: да ведь это голос матери, побывавшей на свадьбе единственного сына, а затем с плачем вернувшейся в свой Жарбай.

Ожили в ушах ее слова, сказанные об их с Алимой ребенке. Или он слышал их когда-то давно, еще в детстве?

Придя на то место, где Алима продавала воду, – хозяин базара давно закатал его асфальтом, – уселся, словно ребенок-инвалид.

– Дайте воды. Воды! Воды!

Просьба-жалоба, повторяемая им всегда на этом месте. Только неясно, к кому же он обращается. Да он и не ждет ответа. До самой глубокой ночи не сдвинется с места. Молчаливое сидение превратилось в привычку, стало его каждодневным делом. Завтра он вновь придет сюда.

Белые бабочки... Порхающие белые бабочки...

Перевод Георгия Пряхина.

Рахымжан Отарбаев (1956–2018) родился в Курмангазинском районе Атырауской области. Окончил Уральский педагогический институт. Первый рассказ его был опубликован в 1976 г. в областной газете «Орал өңірі».

Первый сборник Р. Отарбаева под названием «Күпия түн» («Тайная ночь») увидел свет в 1987 г. В последующие годы были изданы такие книги, как «Жұлдыздар құлаған жер» («Место звездопада»), «Шер» («Печаль»), «Жайық жыры» («Песнь Жайика»), «Қараша қаздар қайтқанда» («Возвращение перелетных птиц»), «Дауысыңды естідім» («Услышал твой голос»), «Аспандағы ақ көбелектер» («Белые бабочки в небе»), «Біздің ауылдың амазонкалары» («Амазонки нашего аула»). В 2011 г. избранные рассказы Р. Отарбаева под названием «Отверженный мир» увидели свет в издательстве «Художественная литература» и были по достоинству оценены российскими литературоведами.

Р. Отарбаев плодотворно работал и в области драматургии. Его пьесы «Султан Бейбарс», «Голова», «Новелла о наркомане», «Счастливая жизнь», «Батыр Сырым», «Мустафа Чокай», «Нарком Жургенов», «Габит», «Я не предал вас», «Амре» были поставлены на сценах республиканских и зарубежных театров. В ряде областных театров (в Атырау, Шымкенте, Таразе) прошли фестивали, посвященные пьесам Р. Отарбаева.

Избранные произведения Р. Отарбаева были изданы в Пекине издательством «Ұлттар» в виде двух книг, на китайском и казахском языках. Наряду с этим произведения писателя были переведены на турецкий, арабский, английский, французский, итальянский, болгарский, узбекский, кыргызский языки.

Р. Отарбаев – лауреат Международной премии имени Чингиза Айтматова (2009) и Литературной премии имени Махамбета Утемисулы (2013).

